

онъ старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими. Въ Европѣ видѣли въ немъ переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи культурнаго межеумка, исторической ненужности, было много трагизма, и мы готовы жалѣть о немъ, предполагая, что ему самому подчасъ становилось невыразимо тяжело чувствовать себя въ такомъ положеніи... Когда наступала пора серьезно подумать объ окружающемъ, они начинали размышлять о немъ на чужомъ языкѣ, переводя туземныя русскія понятія на иностранныя рѣченія, съ оговоркой, что хоть это не то же самое, но похоже на то, пѣчто въ томъ же родѣ. Когда всѣ русскія понятія съ такою оговоркой и съ большею или меньшею филологическою удачей были переложены на иностранныя рѣченія, въ головѣ переводчика получался кругъ представленій, не соответствовавшихъ ни русскимъ, ни иностраннымъ явленіямъ. Русский мыслитель не только не достигалъ пониманія родной дѣйствительности, но и терялъ самую способность понимать ее⁴. Въ представленіяхъ такихъ людей русскій житейскій порядокъ являлся безотрадною безсмыслицей; люди этого рода оказывались въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, оставались людьми безъ отечества; убѣждаясь, что порядокъ въ Россіи есть *assez immorale*, они были къ нему равнодушны и отъ равнодушія переходили къ пренебреженію. Въѣстъ съ тѣмъ, „вольныя мысли, которыя онъ черпалъ изъ привозныхъ книгъ, разбѣвали его житейскія огорченія, сообщали блескъ его уму, украшали его рѣчь, даже порой потрясали его нервы... Быть можетъ, никогда культурный русскій человѣкъ не плакалъ такъ легко и охотно даже отъ хорошихъ словъ, какъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, — плакалъ и только. Эстетическіе восторги и стереотипныя философическія слезы были только патологическими развлеченіями, нервнымъ моціономъ, но не отражались на волѣ, не становились нравственными мотивами. Вольно-мыслящій тульскій космополитъ съ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ страницы о правахъ человѣка рядомъ съ русскою крѣпостною дѣвичьей и, оставаясь гуманистомъ въ душѣ, шелъ въ конюшню расправляться съ досадившимъ ему холопомъ⁵. Дѣти этихъ отцовъ воспитались въ ихъ преданіяхъ, но подъ другими вліяніями. Съ конца правленія Екатерины, Россія переполнилась эмигрантами, кавалерами, аббатами, даже іезуитами, которые стали воспитателями русскаго юношества, обратили его къ забытымъ прежде вопросамъ вѣры и нравственности и къ предметамъ политическимъ. Наполеоновскія войны произвели на это поколѣніе